

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 46

1983

Фаиз Ахмад ФАИЗ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ПОСВЯЩЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Фаиз Ахмад ФАИЗ

ПОСВЯЩЕНИЕ

СТИХИ

Перевод с урду

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Фаиз Ахмад ФАИЗ

Фаиз Ахмад Фаиз родился в 1911 году в г. Сялкотте. Он получил образование в Сялкотте и Амритсаре и некоторое время занимался преподавательской деятельностью. В 1941 году в Лахоре вышла первая книга стихов Фаиза «Накш-е-фарияди» («Печальный узор»). В 1942 году Фаиз вступил в армию, где дослужился до чина подполковника. В течение многих лет Фаиз был главным редактором газет «Пакистан тайме» (на английском языке) и «Имроз» (на языке урду). В 1953 году была опубликована вторая книга стихов Фаиза «Даст-е-саба» («Руки ветра»). С 1951 по 1955 год Фаиз находился в тюрьме по обвинению в участии в т. н. «заговоре в Равалпинди». Стихи, написанные им в этот период, вошли в сборник «Зиндан-нама» («Тюремные стихи»). В 1962 году вышел в свет сборник «Весы», составленный из литературно-критических статей Фаиза, написанных им в разное время. В 1962 году за выдающиеся заслуги в деле укрепления мира между народами Фаиз Ахмад Фаизу была присуждена Международная Ленинская премия мира. В 1963 году Фаиз выпустил сборник стихов «Даст-е-тах-е-санг» («Рука, при-давленная камнем»).

В 1970 году ЮНЕСКО опубликовала том избранных стихов Фаиза с параллельными текстами на урду и на английском языках.

В 1972 году вышла в свет новая книга стихов Фаиза «Перед вечностью», в которую, в частности, вошли стихи, написанные им в период событий в Бангладеш, и переводы ряда произведений Расула Гамзатова.

Фаиз пользуется славой непревзойденного мастера тончайшей лирики, сочетающейся в его творчестве с высоким пафосом гражданственности.

Стихи Фаиза переводились на хинди, на английский, русский, французский, вьетнамский, итальянский, китайский и другие языки.

В настоящее время Фаиз Ахмад Фаиз — председатель совета по искусству при правительстве Пакистана.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я посвящаю эти строки
паскудству
скудной жизни клерков,
чьи языки и чьи сердца
источены червями.

Я посвящаю эти строки
рассыльным,
почтальонам,
рабочим
дорог железных,
погонщикам быков.
Я посвящаю эти строки
заводов ненасытным душам.
Крестьянину,

владыке мира,
наместнику аллаха на земле,
у которого телку бандиты угнали,
у которого дочку злодеи украли,
у которого староста в палец земли
оттягал —
от участка в ладонь
(остальное конфисковали власти
за неуплату налогов),
пахарю,
у которого хлеба нет,
я посвящаю стихи.

Измученной матери,
дети которой никак не заснут
на пустой желудок,
все хнычут тихонько,
но есть не просят —
знают, что нет.

посланцам будущего —
в них, как в розе аромат,
живет грядущее.

* * *

Вспоминанье о тебе так ночь приносит,
Как в тень руин весны виденье входит,
Как прилетает в зной пустынь прохлада,
Как в дом к больному исцеленье входит.

* * *

На сердце скорби мировой пласты сегодня,
И каждого в слезах черты сегодня,
В развалины дворец повержен жизни,
Друг одиночества! Где ты сегодня?

ОДИНОЧЕСТВО

Кто-то идет, грустное сердце? Нет, тишина, никого...
Выбрал дорогу он, она его увела,
Серебряной пылью рассыпались звезды уже,
Сонные лампы застыли, гаснут в домах,
Дорога уснула, устав в ожиданье прохожих,
Равнодушная пыль в молчанье сровняла следы.
Свет гаси, а вино, я советую, вылей.
Запри бессонную дверь,
Потому что и этой ночью он к тебе не придет!

ЛЮБИМАЯ, ПРЕЖНЕЙ ЛЮБВИ НЕ ПРОСИ!

Любимая, прежней любви не проси!

Я верил, что светишь ты миру одна,
Что раз ты печальна, то радости нет,
Что лик твой прекрасный — вселенной весна,
Что в мире мы видим лишь глаз твоих свет.
Тебя покорю и не буду покорен судьбе...
Но я не боролся, я только мечтал о тебе.
А горе любви на земле разве горе одно?
И разве лишь счастье любви в этом мире дано?

Из мрака веков беспощадная жизнь подняла
Увитые шелком, парчой и атласом тела,
Тела, что базарным товаром пошли,
Тела, что в крови распростерлись, в пыли,
Сочится из ран незалеченных гной,
Сжигает их адского пламени зной.
Их страшной судьбою душа занята.
Но манит меня и твоя красота.
Ведь горе любви на земле не одно,
И разве лишь счастье любви нам дано?

Любимая, прежней любви не проси!

МЫ

Огонь светильников у нас в дворцах сердец угас,
Не нужен нам и солнца свет — он раздражает нас.
Как в сон безмолвный о красе земли своей родной,
Мы все во мглу погружены, в глубокий мрак ночной.

Пускай — начала, иль концы, иль зло с добром равно,
То любопытство лишь одно, бесплодное давно.
День уходящий бледен, тускл, мы о былом грустим,
Грядущего ж боимся мы — оно для нас темно.

Хоть ждет и жаждет разум наш — чем жажду утолить,
Коль даже жгучих слез из глаз не можем мы пролить,
И боль, что ноет, что живет в расщелинах сердец,
Мы в строчки песен и стихов не в силах перелить.

Мы исцеления хотим, но где оно и в чем?
Все ищем мы живую страсть, но где, когда найдем?

ПСЫ

О псы, бродящие в пыли базаров!
Им праздность — радость, нищета — с руки...
Их достойные — лютый град ударов,
Добыча их — проклятья и пинки.
Не тянутся ни к счастью и ни к славе.
Их дом — клоака. Их ночлег — в канаве.

Сухая кость их стае попадись —
Друг другу рады горло перегрызть.
Они плевки подачкою считают
И с голоду безмолвно издыхают.
Что им достоинство, и честь, и труд?
Да если жизнь на благо им устроить,
Они всю землю захотят присвоить,
Людей, добро им сотворивших, загрызут.
Гони их свору, чтобы устыдились
И понимать позор свой научились.

ГОВОРИ!

Говори, пока голос твой громко звучит.
Говори, непреклонною правдой дыша.
Говори, пока смелое сердце стучит.
Говори, пока в теле трепещет душа!

Посмотри: видишь — в кузне зажглись огоньки,
Размягчилось железо в горниле огня.
Под ключом свои дужки открыли замки,
Цепи тянутся змеями, тихо звеня.

Говори! Дали времени мало тебе...
Не молчи, не покорствуй враждебной судьбе!
Говори, пока яркая правда жива,
В стаю вражью бросай огневые слова.

* * *

Если тюремщик бумагу с пером отберет,
В сердце персты погрузив, напишу кровью своей.
Если тюремной печатью мой запечатают рот,
Гнев мой заговорит каждым звеном цепей.

БЛИЗОК ДЕНЬ

Суровых испытаний близок день.
Сражений и страданий близок день.
Того, что сердце подсказало нам,
Всех пламенных мечтаний — близок день.

Вынь сердце и к ногам идущих брось —
Свершений и деяний близок день.
Сверкают опьянением глаза —
Исканий и признаний близок день.
С рассветом ветер снова спросит нас:
Лугов благоуханий близок день?
К страде, Фаиз, ты сердце приготовь!
Неистовых дерзаний близок день.

УТРО СВОБОДЫ

Испещренное ранами утро, искусанный ночью рассвет.
Не такого восхода ждали мы так долго с тобой.
И зари, о которой мечтали так пламенно, нет.

И с другой мы хотели в пути повстречаться судьбой.
В мертвом небе пустынном, у кладбища звезд золотых
Ночи плещут о берег медлительной черной волной.
Там швартуются лодки сердец одиноких, пустых,
Растерявших таинственный юного пламени зной.

В час, когда выходили друзья в свой далекий поход,
Сколько глаз их манило сквозь мгlistый туман покрывал,
Сколько рук за одежду цеплялось тогда, но вперед,
Зорям раннего утра навстречу, их долг призывал.
Их богиня рассвета в сверкающих ризах ждала.
Легконоги их были желанья, усталость еще не пришла.

Утро мир осветило и мрак поредел, говорят.
И всего, что в мечтах наших жило, достигнут предел, говорят.
И грустить нам отныне запрещено, говорят.

Но пылает душа и из сердца желания бьют,
И лекарства — от мук исцеления душе не дают.
Ветерок красоты налетел и исчез без следа.
Даже тусклый фонарь не успел при дороге мигнуть.
И глубокая темень черна, как ночная вода,
Для ума и для сердца к свободе далек еще путь.
Смело к цели, друзья! И низринется ночь навсегда.

* * *

Потому что на свете мы есть — смеют все осмеять
Шейхов плащи, пышность эмиров, шахскую спесь.
Потому что на свете мы есть — в песнях звучит Меджнун,
Любовь в одеждах из роз, героев прошлого честь.

* * *

Как жить, как поступать — не шейх меня учил, отнюдь.
Но, слава богу, жизнь свою я не сгубил, отнюдь.

Одной тобой, моя страна, душа моя полна,
Других любовью никогда я не дарил, отнюдь.

Терзать меня твоя рука никак не устает,
Так что ж? Терпеть и не стонать не хватает сил? Отнюдь.

Все было! Горе и беда, разлука, тяжкий труд.
Но разве кто-нибудь из нас лошады попросил? Отнюдь.

Остался ль в городе, Фаиз, хотя б один подлец,
Чтоб нам морали не читал, добру нас не учил? Отнюдь.

УТРО В ТЮРЬМЕ

Ночь еще ушла. Придя к изголовью,
Прошептала луна, склонившись ко мне:
— Брезжит утро. Сонного зелья отравы
В кубке грезы ночной осела на дне.
Лик любимой растаял, и стала видна
Гладь стоячей воды уходящего сна,
Струйкой бликов по ней проскользнула луна,
Сотни лотосов-звезд разбросала она.
Звезды плыли, тонули и снова цвели.
Утро с ночью расстаться никак не могли.

На тюремном дворе, в темноте закоулков
Свет на лицах друзей увидишь едва ль.
Росы сна на мгновенье с лиц этих смыли
По любимым тоску, по воле печаль.

Пробил гонг. Коридор зашаркал шагами.
Замелькали тюремщиков серые лица.
Волны ругани стали о стены биться.
Бледных узников выстроилась вереница.

Одурманенный сном, пробудился ветер.
Шум тюрьмы отравил людей на рассвете.
Где-то настезь открылось окно, другое,
Где-то сердце замка зашлось от боли.
Где-то звон цепей перешел в рыданье,
Дверь рванули, как голову раскололи.

Пробудились от сна, терзать меня стали
Сотни джиннов злых из камня и стали.
В хищных лапах их, рыдая в печали,
Пери Дня и Ночи тяжко страдали.
И смотрели вдаль — не идет ли в тумане
Принц, несущий стрелы надежды в колчане.

ВЕЧЕР В ТЮРЬМЕ

Шаг идущей по ступеням звезд
Синей ночи, слух души, лови.
Вот чуть слышно ветерок шепнул
Шелестом травы: «О ночь любви!»
Вот деревья, что тюремный двор
Обступили, словно узники вокруг.
Звездный плащ луны пестрит узор
Ветвями простертых черных рук.
С крыши блики лунные стекла.
Капли звезд вмерцались в пыль земли.

Темный свод небесного шатра
Высветил насквозь незримый свет.
Тлеет боль зеленым угольком,
Боль о том, что здесь любимой нет.
Сон наваял ласковую мысль —
Как прекрасно все ж на свете жить!
Тем, кто яд насилья нам несет,
Правду все равно не победить.
Пусть погасят факелы сполна,
Неподвластна воле их луна!

О СВЕТЛЫЙ ГОРОД!

Зелень, зелень в злате полдня сохнет, увядает.
Одиночества отравы тюрьмы заливают.
Мутные, словно туманы, волны боли —
То поднимет, то низринет, то опять вздымает.

Где-то за стеной тумана — светлый город,
О светлый город!

Как пройти к твоим сияниям? Кто мне путь укажет,
Если цепь разлуки крепко-крепко вяжет?
Смолк, смирился сонм желаний — крыльями не машет.
Нынче на душе тревога,
Светлый город.

Милые красавицы, там, в дали далекой,
Если вы фонарь зажжете, — держите высоко.
Дрогнет армия желаний в схватке той жестокой.

ВСТРЕЧА

I

Эта ночь словно дерево боли —
То, что выше, чем мы с тобою.
Затерялись в листве его кроны
Караваны, везущие звезд миллионы.

Сотни лун отрыдали в его тени,
Все лучи свои выплакали они.
Эта ночь словно дерево боли —
То, что выше, чем мы с тобою.

Только желтые листья немногих мгновений,
Что любых украшений бесценней,
Заплутались в твоих волосах,
И роса пролилась с его кроны прекрасной
И, на лбу у тебя диадемой алмазной
Заблистав, отразилась в глазах.

II

Непроглядна та ночь, неприветна,
И во мраке едва заметна
Речка крови — песня моя.
И глаза мои не разглядят
Золотую волну — твой взгляд.

В цветнике твоих рук пока
Чуть заметно глеет тоска —
Родилась нынче ночью она,

Если наше дыханье раздует ее —
Жарким пламенем вспыхнет она.

Дерево — словно колчан,
Ветки — в моем сердце стрелы,
Я их вырываю по ночам
И обратно посылаю смело.

III

Здесь, где мы с тобой стоим теперь,
А не в небесах пустых и бледных
Распахнется радостная дверь
В утро угнетенных — утро бедных.

На востоке новый день начнется,
Заиграют отблески лучей,
Даже на секирах палачей
Красками восхода разольется
Бед грядущих хлынувший ручей.

Ночью порожденная унылость
На заре в надежду превратилась.
Утро черной ночи мудренее,
А уверенность тоски сильнее.

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За горизонтом свет, волнуясь, напоминает о неволе.
И бодрствует во сне мой сон, мой город боли.
Глаза красны. Я закрываю их.
Безлюдно утро. И коридор безропотно притих...
Вином прозрачным наполню чашу сердца не спеша,
яд настоящего и горечь прошлого смешав.
За горизонтом свет, волнуясь, напоминает о неволе.
То, что обещано, ушло, оставив переулки боли:
и музыка, и цвет, и облик милый,
что путешествовал со мной по всему миру.
Он не явился. Он возник. И я воспрянул, чуть дыша,
яд настоящего и горечь прошлого смешав.
И я увидел встречи день сквозь настороженные веки,
и горизонт, и прелесть губ в освобожденном свете.

МОЕ ОКНО

Сколько ржавых крестов на тюремном окне!
И на каждом — распятого жаркая кровь,
И на каждом распятъя свершаются вновь.

На одном испускает дыханье ночной ветерок.
На другом — светоносная гаснет луна.
Там — весеннее облачко бьется на черном кресте,
Тут — душистая ветка безжалостно пригвождена.

Что ни день — светлый дух милосердия и красоты
Чашу смертной тоски испивает до дна.
Но душе не дано захлебнуться в горячей крови —
Ночь уйдет, и с рассветом опять воскресает она.

БОЛЬ НЕСЛЫШНО ВОЙДЕТ

Скоро буду искать для своей одинокой души
В человеческих душах приют и жилье.
Боль неслышно войдет, поднимет зажженный фонарь
И тоской обожжет обнаженное сердце мое.

Боли острый язык, пламенея, метнется ко мне,
Тени сердца запляшут на серой стене.
Губы милой почую, кудрей аромат,
И пустыню разлуки и встреч наших сад,
Нежность слов, что любовным признаньем звучат.

Я скажу тогда сердцу: — О сердце, дотла
Одиночество сладкая боль не сожжет.
Это гостя на час, что придет и уйдет.
Но страданий твоих, уходя, не возьмет.
Тени вслед ей запляшут дикой гурьбой,
Боль уйдет, но останутся тени с тобой,
Будешь гнать их все ночи и дни напролет.
Будешь с ними сражаться опять и опять.
Будут тени-убийцы тебя осаждать...
Одиночество, тени, и месяц, и год...
Трудно в схватке, о сердце, стоять.

Угли гнева давай раскалим добела.
Над углями раздуем отмщения пламя,

Чтобы ненависть огненными цветами
В наших гневных, разящих сердцах расцвела.

Где-то войско друзей моих рядом со мной.
Может, сумрак ночной отделил их стеной?
Пусть сверкнет им души моей огненный след!
Ну, а если и ныне мне выручки нет,
Все равно, они крикнули, близок рассвет!

МЫ УМИРАЕМ НА ТЕМНЫХ ДОРОГАХ

Этель и Юлиусу Розенберг

Во имя печали твоих пламенеющих рук
И уст цветоносных, людей одаряющих раем,
Где призраком виселиц мертвый топорщится сук,
На темных дорогах мы, родина-мать, умираем.

В тени эшафота, где жизнь топоры сторожат,
Мы чуем дыханье твое и кудрей аромат.
Но в смертных мучениях нашим губам не достать
До алости губ твоих трепетных, родина-мать.

Когда полонила реакция небо родимой земли,
Мы шли по дорогам, затерянным в дымной дали,
В сердцах наших песни и факелы боли несли.
Той болью, что будет все ярче в сердцах полыхать,
Тебе присягнули бестрепетно, родина-мать,
Бойцы, что на темных дорогах пошли умирать.

Мы с бою не взяли победу — такая уж наша беда,
Но волей своей мы твой образ лелеяли в сердце своем.
До жалоб тебе не унизимся мы никогда
И молча на лобное место разлуки взойдем.

Но знамя погибших, об участи нашей скорбя,
Подхватят другие, влюбленные жарко в тебя.
Прямее и радостней будут пути молодых,
Страданьем и смертью мы путь сократили для них.
И будем мы гордо, до смертной черты прославлять
Твой образ прекрасный, любимая родина-мать,—
Бойцы, что на темных дорогах пошли умирать.

ПРИДИ. МОЯ АФРИКА!

О, приди! Я услышал — твои барабаны грянули вновь.
О, приди! Опьянила меня знойным током бегущая кровь.
О, приди, моя Африка!

О, приди! Я страхнул с головы моей прах.
О, приди! Ночь тоски я сумел одолеть.
О, приди! Боль зажал я в железных руках.
О, приди! Разорвал я бессилия сеть.
О, приди, моя Африка!

Из цепей моих выкован, меч мой звенит.
Из ярма я сковал прикрывающий грудь мою щит.
О, приди, моя Африка!

Над землей твоей, Африка, ритм моей песни звучит.
Реки в такт ему пляшут, он голосом джунглей кричит.
Я твой, Африка, сын среди верных сынов.
Шаг мой, Африка, поступь разгневанных львов.
О, приди, моя Африка!

Властной поступью львов
Гряди, моя Африка!

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

От горизонта до горизонта
ночь металась подстреленной птицей,
но вдруг сверкнула заря,
и рванина мрака
свалилась с глаз,
и вспыхнуло сердце.
Все семь небес,
одно за другим,
распахнули ворота,
и седьмое небо
засияло, как зеркало.
Ворота всех тюрем от запада до востока
распахнулись с громом.
Закладывается фундамент нового строя.
Кровь, пролитая сердцем века,
кровь всех мучеников за правду
отомщена сегодня.

Сегодня
рабские кандалы
перелиты в бубенцы для уходящих караванов.
Обрывки цепей,
как мечи на солнце,
сверкают на руках, вскинутых к небу.

ПУШКИН

Он снова завернулся, словно в плащ,
в лиловость угасающего неба,
и передвинул вправо три звезды
в своих курчавых волосах,
и снова
глаза всевидящие
нежность источают.
И нежность эта умеряет пыл
влюбленных юных
у его подножья,
пытающихся в молодой листве
свои страданья
или счастье
спрятать.
Протянута рука.
Он дирижер огней:
и сразу город вспыхивает светом,
как взрывом музыки.
Я на него смотрю и жду,
чтоб он кивком небрежным иль поклоном
первал аплодисменты...

ЛЕНИНГРАД. ПИСКАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На холодном траурном камне,
На квадрате белой плиты,
Свежей кровью, как всплесками пламени,
Расплеснулись цветы.
Нет имен на надгробных плитах,
И не знают цветы имена
Мертвых, мраком могильным скрытых,
И живых, чья тоска вечна.
Сыновья на кладбище спят.

Им, не в силах уснуть,
Будет мать
Из печали венки свивать.

* * *

Сбылась мечта поэтов, наконец,
Художников мечта из золота и сини.
Сегодня былью стали все виденья
Старинных сказок,
Тех, что с детских лет
Мы жадно слушали
И часто вспоминали,
Став взрослыми:
Историю о девушке с небес —
Прекрасной пери —
О звездной пыли на ее кудрях,
Об утренней звезде во лбу,
О легком облаке весеннем
Под ее тронем из душистых роз.

Мечта сбылась

и стала жизнью —

Не так, как в сказке,
Лучше, чем в стихах:
Не пери снизошла на землю,
А девушка Земли взлетела
Туда, где издавна мечты рождались.
Не розы украшают колесницу пери,
А сталь.
Не утренней звездой
Она тревожит сердце
И не убором из комет —
Прекрасной человеческой улыбкой,
Улыбкой, что нежнее роз
Под солнцем
И ослепительней сверкания
снегов.

СИНАЙСКАЯ ДОЛИНА

Снова молнии над долиной Синая,
снова истины лик,
алой краской стыда отливая,
долу скорбно поник.

Взгляд прозренья... Прозрения миг...
Он пришел или нет?

Как пустыня
райский сад... Где же мужества путь?
Где взять силы,
чтоб взглядом прозренья взглянуть
на скрещенные молнии над долиной Синая?
Может быть, на глазах
здесь рождается то,
что когда-нибудь
будет названо новым заветом
совместного существования.
Но покамест с насильем и болью
к нам приходят, кто мнит себя солью земли,
и святые муфтии помогают им в этом.
Может, росчерки молний
и есть обещание братства,
что нисходит с сегодняшних наших небес
на земные скрижали
великих и малых земли...
О, когда б эти вспышки смогли
сжечь дотла наши тупость и рабство,
чтоб мы стали посланцами добрых вестей
и владыками радости...
Все, кто страждет, готовы синодик поступков своих,
потому, что орудия пыток бессильными станут
в Судный день,
когда трубы над долиною грянут,
в день, когда всем воздастся — позор и почет
и начнется — новых дней новой эры отсчет.

ПАЛЕСТИНСКИМ БОРЦАМ В ИЗГНАНИИ

Куда б ни шел я, родина моя,
к твоим причастный горестям и ранам,
светильник твоей чести в сердце я
ношу по дальним городам и странам.

Немилосерден этот долгий путь,
но ты по-матерински нежно просишь:
«Товарищей далеких не забудь
и той любви, что в край чужой уносишь...»

На перекрестках городов и мук,
где душу жгло разлуки горькой жало,
мне руку пожимало столько рук,
и столько глаз в дорогу провожало.

Земля моя, тебя терзает враг,
но не забыть, как в миг святой и светлый,
в моей крови твой палестинский флаг
раскрылся, оттесняя злые ветры.

Твои святыни заливают кровь,
но разве сердцем преданным остыну?
Я каждой своей раной вновь и вновь
творю за Палестиной Палестину!

* * *

У нас для жалоб оснований нет:
нас мучили для пользы — не во вред,
терзали по закону, ибо сами
нарушили мы верности завет.
Явились мы сюда без приглашенья —
незванными гостями на обед.
Просили мы себе в награду горя —
как будто мир и так не полон бед!
Восторг пред красотой мы не убили,
что ж, виноваты, нам держать ответ.
Целитель сам бежал от исцеленья,
хоть сам себе мог дать благой совет.
От жизни на губах осталась горечь,
но горечи ты не искал, поэт...

* * *

Кромка солнечного света.
Два времени сошлись в часу вечернем —
ни завтра, ни сегодня в ряду бескрайнем,
миг призрачный и миг реальный —
все это кромка чертит:
движенье губ
и рук плесканье.
И наша встреча —
ни ложь, ни правда.

Нет нужды ссориться и попрекать друг друга.
К чему?

Когда в глазах твоих морских
утонет солнце, уснут счастливые,
и путник, которого вечерний час
настиг,
пойдет домой
необычайно тих.

* * *

Посмотри отсюда на город:
Круг замкнулся.
Древние бастионы, как тюремные стены.
Прохожие, как в лабиринте:
Ни входа, ни выхода, ни указательной стрелки —
Поспешно шагают в ожидании окрика:
«Стой!»
Поднятые руки замирают в страхе:
А вдруг, как прежде,
Кандалы забряцают.

Посмотри,
Посмотри отсюда на город:
В самом деле, круг замкнулся.
Достойных людей не видно.
Разумных взглядов не встретишь.
У каждого парня — петля висельника на шее.
У каждой девушки — рабское клеймо на плече.

РАБСТВО

Приходит ночь — и боли бьют фонтаны,
приходит утро — снова саднят раны,
приходит полдень — истекаю кровью.
День гаснет — страх крадется к изголовью.
О господи, своей рукой ужели
весь этот путь без отдыха и цели,
круговорот лихих ночей и дней
ты вывел на листах судьбы моей?
Ты отлучил от радости меня?
Приму ль твой суд, во всем судьбу вина,
иль откажусь и в горе видеть счастье
и обойдусь без твоего участия?..

* * *

Что только не прошло перед глазами!
Сиянье улицы, когда при всех мне о любви сказали.

И сколько душ людских, не помня о беде своей,
чужого горя вкус при свете этом узнавали.

Так медлит осень, что времена былые я забыл,
хотя цветенье роз я разлюбил и снова полюбил.

Теперь уже к гадалке не ходить. Что нового она расскажет?
А раньше стоило глаза поднять —
весь мир вставал перед глазами вдруг,

и было множество друзей. Враги казались не врагами даже,
и, если мы, к несчастью, ошибались, как все легко сходило
с рук.

ВРЕМЯ ЖАТВЫ МОЕЙ

Время жатвы моей так быстро настало — дымком поднимаются
вздохи.

По травинке уносит гнездо ветер горя,
снова тянутся ночи разлук во мраке эпохи,
снова слезы печали переполняют море.
Снова утро с тоскливою ночью схоже,
снова слышу я громкие стоны — о боже!

Все захлестывает смута времени, которым дышу теперь я.
Снова хлещут бичи, как молнии, обжигая душу.
Стали шеи хранителей мира хрупкими, как перья,
продаются с торгов отрубленные языки и уши,
наполняются кровью запечатанные рты,
в костре терзаний горят сердца, бессильны от немоты.

Куда деваться невинному сердцу, рабу твоему — о боже!
Снова твоим пророком хочет быть каждый твой враг ничтожный,
каждый идол в капище желает святым прослыть.
Как нам ревнителей веры в тебя отвратить?
Снова утро с тоскливою ночью схоже,
снова слышу я громкие стоны — о боже!

поднявши паруса,
на солнце заблестала,
несется вдоль скалистых берегов.
Все плещется в свету:
вот ласточка шныряет,
а рядом с ней воздушный змей ныряет.
Нет в мире сил — осилить силу эту.
У всех держав — такого флота нету,
подводных лодок нет,
ракет, мортир...
Игра стихий не угрожает свету —
какой глубокий в этой буре мир!

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?

Тысячи ожиданий
во взглядах — моем и твоим,
тысячи страданий
в телах — моем и твоим,
беспомощность пальцев моих, прильнувших к твоим,
становится словом, не нужным двоим.
Каждый проулок в городе —
моем и твоим —
затерянное кладбище,
где шаги оставляем вдвоем.
Россыпи наших звезд ночных
стали ранами в сердце — моем и твоим,
розы рассветов моих и твоих
обросли тряпьем.
Горе тому, кто кровавой росой окроплен,
кто обсыпан пеплом лунным,
не залатает отрепья он,
жизнь не вернуть порванным струнам.
А были что-то?

 Может, заблуждением двоих —
паутинка выдумок наших — моих и твоих?
Если это правда — что делать нам впредь?
Если нет, что нам делать, о чем скорбеть?
Ответь.
Ответь.
Ответь.

* * *

В памяти открылась дверца на исходе ночи:
прошуршало платье в сердце на исходе ночи.

Память сердца убывает на исходе ночи,
ее утро убивает на исходе ночи.

Нежные прикосновенья, близость опьянения —
все исчезнет во мгновение на исходе ночи.

Мой пустынный дом родимый, дом мой нелюдимый,
кто заполнит без любимой на исходе ночи.

Как меня однажды встретил кто-то — юн и светел —
прилетай, рассветный ветер, на исходе ночи!

* * *

Зачем, мое сердце, о ней вспоминаешь всю ночь?
От лунного света зачем ты пылаешь всю ночь?

Светильник тоски то всю разгорался, то гас.
Скажи мне: зачем предо мною мерцаешь всю ночь?

О, счастливый под сенью цветущих ветвей,
зачем свои сказки ты мне навевашь всю ночь?

Зачем до рассвета, дверная цепочка, звенишь?
Ту, что не пришла, для чего призываешь всю ночь?

Тот сладостный сон, что всю ночь тебе снится, Фаиз,
зачем ты его отгоняешь всю ночь?

* * *

Если памяти цветник чуть колышется под ветром,
утро пахнет розой — пусть.

Если лампа боли светит в моей жизни не случайно,
ярко вспыхнет, тень сгущая, — это грусть.

Если мы с тобой при встрече, как чужие, — пусть так будет,
посиди со мной минутку. Холод губ мой лоб остудит.

Если мы вдвоем побудем в нашей комнате вчерашней,
боль утраты горлом хлынет,

мы пойдем — между нашими словами слов завесы
тех, которых мы не скажем и которых нет отныне.
Я не вспомню об обидах, ты меня не упрекнешь.
Я не буду об изменах, ты о клятвах не начнешь.

Чтобы времени былого письма в лице очистить,
говорю с тобой ресницами, словно кистью реставратор.
Если хочешь — слушай, а не хочешь — значит, я не говорил.
И не бойся. Покажи лишь бровью, что немного рада.
Если нет — не надо.

И забудь, что я просил.

* * *

Цветы поникли. Все.
И небеса льют слезы, не переставая.
Светильников прозрачность отцвела,
и вдребезги разбиты зеркала,
и сила тайная со струн певучих пальцы убрала.
Замолкли на ногах браслеты,
их колокольчики ушли в так и не зазвучавшие слова.
Налобная подвеска этой ночи
скрывает звезды, блеск их многоточий,
Но Боль-звезда
нисколько не нищает,
вовсю сияет
и повторить все снова обещает.

* * *

Моя боль — мелодия без звука,
мое Я — частица без примет.
Когда боль моя отлилась в Слово,
получил черты я бытия земного.
И тогда открылось мне,
что было раньше скрыто.
Я безмолвие услышал двух миров,
и они моими стали.
Вся Вселенная теперь во мне.

СЛОВО

Сегодня мысль ищет слово,
наполненное медом, наполненное ядом,
где ярость с мудростью нисколько не разъята.
Оно с любимым взглядом схоже, с привязанностью к другу
и с поцелуем губ, светящихся, как золото...
Такого слова сегодня не хватает слуху.

Ищу я ненависти слово, как меч, разящий круто,
чтобы разрушить темный город,
такой, как ночь, когда на площадях сжигают трупы.
Пусть почернеет рот мой,
когда сверкнет из горла голос.

Сегодня нервы рвутся от тишины гнетущей,
звук бродит в глубине и выход ищет в музыкальной фразе,
сегодня боль берет аккорд на сазе
и, как Меджнуна одеянье, в неистовстве истерзан он.
Сегодня каждая волна доносит звуки похорон.
На весь твой век ни песни нет, ни восклицанья, что ты рад,—
есть только стоны боли и мучеников вопли,
и трубы Страшного суда, и дня последнего набат.

ДЕНЬ, КОГДА СУДЬБА НАГРЯНЕТ

Как он придет, тот день, когда судьба нагрянет?
Возможно так, как иногда, в начале ночи
бесстрастный поцелуй, лишь снисходительный, не боле,
заставит всюду открываться двери
заветные и с ними, неведомо откуда,
приходит к нам цветущая весна,
волнующая даже грудь луны.
А может быть и так, как на исходе ночи,
рассвет, свежая от бутонов полусонных,
войдет неслышно в комнату влюбленных.
Пора расстаться — из безмолвных окон
доносит утро звук угасших звезд.

Как он придет, тот день, когда судьба нагрянет?
Быть может, как укол внезапный, острый,
и взвизгнет нерв от нестерпимой боли,
густая тень разбойничьей руки
накроет мглой навеки все вокруг.

Как он придет, тот день, когда судьба нагрянет?
Пусть он придет внезапно, как смертельный удар любви.
Пусть сердце остановится с прощальным словом:
благодарю, что ночь не мучит израненное сердце,
благодарю, что было в жизни касанье нежных губ.

* * *

О вечер в городе моей любви,
Будь милосердным!
Бессмысленная мука, адских мук
подобье — пытка полдня.
Был полдень, полный ярости,
тоски,
тоски, и ярости, и боли безъязыкой.
Безжалостными хлесткими бичами
все тело изрубцовано мое.
Горят рубцы.
Я думал — заживут,
а превратились в язвы.
О вечер,
облегченье принеси!
Прохладным покрывалом оберни
все тело, шрамов с ласкою коснись,
боль исцели мою,
будь милосердным!
Пустыня — ненависть. Воистину — вот ад,
безводная, бесплодная пустыня,
царапины завистливых зрачков,
колючки лжи и сплетен.
Безлюдье. На дорогах — ни души,
зато у виселиц — не протолкаться.
Мы этот смертный, скорбный путь прошли,
в кровь разбивая ноги, шаг за шагом,
и ноги, разможенные о камни,
нас приближали к цели.
Вечереет.
Шелк облаков, плывущих мимо,
вечер,
стели под ноги путников усталых,
будь милосердным!
Стань, вечер, лекарем страданий наших.

И ты, луна, ночей моих подруга,
коснись прохладным светом наших ран.
О вечер в городе моей любви,
будь милосердным!

НОВЫЙ ГОД

Мы увидим,
может быть, и мы увидим,
день, который был нам обещан,
был нам на роду написан,
день, когда рухнут горы муки и гнета,
день, когда под ногами всех заклеянных проклятьем,
гулом земля загудит,
и над головами тех, кто стоит у власти,
молнии засверкают и гром загремит.
Тогда с божьего храма — шара земного —
идолы все полетят.
Тогда, все угнетенные и бесправные,
мы сметем навсегда власть имущих,
мы сорвем с их голов короны,
мы грозой опрокинем троны.
Тогда в памяти нашей останется имя господя,
судьи и спасителя,
который был и исчез.
И тогда на землю придет справедливость —
это и ты и я — это я и ты —
будем миром править, созданья божьи —
это я и ты — это ты и я.

ДИКТАТОР

Сюда, на поминки надежд, собирайтесь все люди!
День массовой смерти сегодня праздновать будем!
Я вас разлучил с ночами и днями,
я вечность навек заселил мертвецами.
Хотите потребовать утром рассвета сверканье?
Чего ожидаете ночью на ложе мечтанья?
Глаза я выкалывал, свет разлучив со зрачками,
мечтанья ваши душил я своими руками.
На ветке весной ни единый цветок не проснется,
в сезоне дождей и капли воды не прольется.

Зной угольным жаром иссушит цветов изобилье,
и облако, вместо дождя, прольется колючкой и пылью.
Я ввел для людей обращенья иную манеру,
дал новый закон поведенья и веру.
Настала пора целования рук истуканам,
а стройный и гордый повержен уродом поганым.

* * *

Все, что есть у меня,— от тебя: и радости все и муки.
Все, что я написал,— для тебя, все в память о тебе,
в память рассветной любви и долгой ночной разлуки,
отталкиваний и сближений в общей нашей судьбе.
Все, что твердил мне твой разум, память сердца впитала —
суд врагов и милость кумиров никогда не шли ей впрок.
Войдем в мой погибший город, покажу тебе, что с ним стало:
он — кладбище тех, кто за правду сражался, духом высок.
Сегодняшний день не оплакивай, любимая, ведь под конец,
быть может, занес в Книгу судеб нечаянно радость писец.

* * *

Большая и печальная дорога
В далекий горизонт упорный взгляд стремится,
Сурьмой покрыла грудь и плечи распростерла,
Холодная земля красу их холодит,
Лежит, как женщина, убита горем,
В лачуге жалкой и во сне дрожит —
В тяжелом сне вернулась встреча с милым,
Так, косы разметав, вся ослабев, лежит.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Посвящение. <i>Пер. М. Салганик.</i>	3
«Воспомяне о тебе так ночь приносит...» <i>Пер. Н. Тихонова.</i>	5
«На сердце скорби мировой пласты сегодня...» <i>Пер. Н. Тихонова.</i>	5
Одиночество. <i>Пер. Н. Тихонова.</i>	5
Любимая, прежней любви не проси! <i>Пер. А. Суркова.</i>	5
Мы. <i>Пер. М. Исаковского.</i>	6
Псы. <i>Пер. В. Державина.</i>	6
Говори! <i>Пер. В. Державина.</i>	7
«Если тюремщик бумагу с пером отберет...» <i>Пер. А. Суркова</i>	7
Близок день. <i>Пер. А. Суркова</i>	7
Утро свободы. <i>Пер. А. Суркова.</i>	8
«Потому что на свете мы есть...» <i>Пер. А. Суркова</i>	9
«Как жить, как поступать...» <i>Пер. Б. Слуцкого</i>	9
Утро в тюрьме. <i>Пер. А. Суркова</i>	9
Вечер в тюрьме. <i>Пер. А. Суркова.</i>	10
О, светлый город! <i>Пер. Б. Слуцкого.</i>	10
Встреча. <i>Пер. Б. Слуцкого.</i>	11
Одиночное заключение. <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	12
Мое окно. <i>Пер. А. Суркова.</i>	13
Боль неслышно войдет. <i>Пер. А. Суркова.</i>	13
Мы умираем на темных дорогах. <i>Пер. А. Суркова.</i>	14
Приди, моя Африка! <i>Пер. А. Суркова.</i>	15
Русская революция. <i>Пер. Б. Слуцкого.</i>	15
Пушкин. <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	16
Ленинград. Пискаревское кладбище. <i>Пер. А. Суркова.</i>	16
«Сбылась мечта поэтов, наконец...» <i>Пер. М. Салганик.</i>	17
Синайская долина. <i>Пер. Ст. Куняева.</i>	17
Палестинским борцам в изгнании. <i>Пер. Р. Казаковой.</i>	18
«У нас для жалоб оснований нет». <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	19
«Кромка солнечного света...» <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	19
«Посмотри отсюда на город...» <i>Пер. Б. Слуцкого.</i>	20
Рабство. <i>Пер. Р. Казаковой.</i>	20
«Что только не прошло перед глазами!» <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	21
Время жатвы моей. <i>Пер. Р. Казаковой.</i>	21
«Как утром сегодня я не видел красок яснее...» <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	22

Два голоса. <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	22
«Ревущим морем нынче небо стало...» <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	23
Что нам делать? <i>Пер. Р. Казаковой.</i>	24
«В памяти открылась дверца...» <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	25
«Зачем, мое сердце, о ней вспоминаешь всю ночь?» <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	25
«Если памяти цветник...» <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	25
«Цветы поникли...» <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	26
«Моя боль — мелодия без звука...» <i>Пер. М. Салганик.</i>	26
Слово. <i>Пер. А. Ткаченко.</i>	27
День, когда судьба нагрянет. <i>Пер. А. Суркова.</i>	27
«О вечер в городе любви...» <i>Пер. Г. Плисецкого.</i>	28
Новый год. <i>Пер. А. Суркова.</i>	29
Диктатор. <i>Пер. А. Суркова.</i>	29
«Все, что есть у меня...» <i>Пер. Р. Казаковой.</i>	30
«Большая и печальная дорога...» <i>Пер. Н. Тихонова</i>	30

Фаиз Ахмад ФАИЗ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин
Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 16.09.83. Подписано к печати 14.11.83. А 00749. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,59. Тираж 100 000. Изд. № 2706. Зак. № 1452. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ШИЛЯЛИС- 402 Д

Телевизионные приемники Каунасского радиозавода пользуются неизменной и заслуженной популярностью. Представляем одну из моделей — полупроводниковый переносный телевизор черно-белого изображения «Шильялис-402Д».

Размер экрана — 16 см по диагонали.

Телевизор может работать и от сети и от аккумуляторной батареи.

Встроенная телескопическая и рамочная антенны обеспечивают высокое качество приема передач. Телевизор имеет удобную ручку для переноски.

Цена — 208 руб.

УПРАВЛЕНИЕ «ОРБИТА»

